

Спасибо Алисе Огневой за то,
что в новой редакции эта книжка стала лучше и грустнее.
Также адресую свою скромную
и дерзкую благодарность маэстро Суэнвику,
который помог мне увидеть Харлер в моих снах.

With humble and daring gratitude to maestro Swanwick,
who helped me to saw Tharlear in my dreams.

— А правда, что перед смертью вся жизнь проходит перед глазами?

— Да, это правда, — ответил Смерть. — Этот процесс называется жизнь.

Терри Пратчетт, «Пятый элефант»

А ты знаешь, что только раз в жизни выпадает влюблённым день, когда всё им удаётся?

Е. Шварц, «Обыкновенное чудо»

У меня осталось совсем немного времени до того, как я исчезну из этого мира.

Впрочем, после всего, что мне пришлось пережить, это не столь высокая цена за то, чтобы у этой мрачной истории вышел вполне себе счастливый конец. Не сказать, что мне легко уходить, однако у меня была возможность смириться.

Я сижу, чувствуя под ладонями колкий тёплый песок; за спиной шепчется лес, белое солнце, клонясь к горизонту, наливается старым золотом, и прохлада озёрных волн ласкает мои босые ноги.

Я жду, глядя на воду, вспоминая все события, приведшие меня туда, где я оказалась теперь.

В такие минуты частенько вспоминаешь, с чего всё началось. Как там говорят — жизнь проносится перед глазами?..

Я могла бы начать эту историю с момента, как попадаю под колёса. Или с того, как один фейри впервые увидел мою мать в пригородном лесу — со встречи, что в итоге привела к моему рождению. С разговора, в котором меня известили, что для мироздания я уже сутки как мертва; со стражников или фейри, которые пытаются меня прикончить; с тёмного бога, улыбающегося в трикветре, нарисованном мной на сухой земле; с минуты, когда мятные глаза Питера впервые встретились

с моими, когда мы оба ещё не подозревали, кем вскоре станем друг для друга.

И всё же для меня началась она в день, когда нам с братом сказали, что спустя день мы должны покинуть родной дом.

Тогда никто из нас не думал, что нам придётся искать убийцу по прозвищу Ликорис. Как и о том, что вся наша жизнь скоро превратится в прятки и догонялки.

И о том, что убежать от нашего врага всё равно невозможно.

Я ковырялась в саду, пропалывая кабачки, когда услышала голос Эша:

— Лайз, тебя мама зовёт.

Брат смотрел на меня с деревянной веранды нашего дома — маленького коттеджа в один этаж из серого кирпича, к стене которого пристройкой лепился гараж, обшитый сайдингом, старательно маскирующимся под камень. Поднявшись с колен, я стянула перепачканные землёй тряпичные перчатки; шагнув на выложенную плиткой садовую дорожку, утёрла потный лоб тыльной стороной ладони — летний день жарил солнцем, как печка. Стряхнула с джинсов пыль, а с потрёпанных кед — вырванный с корнем побег лебеды, зацепившийся за шнурки.

Тогда я ещё не знала, как скоро буду скучать по тихим привычным будням, по провинциальной рутине, по возне в саду и этому дому, увитому хмелем и диким виноградом. И сказала лишь:

— Окей, как раз хотела передохнуть.

Брат следил, как я иду мимо крыжовенных кустов, льдинками синих глаз, блестящих и тёмных, как отражение зимнего неба в глубоком колодце. Должно быть,

достались от отца из тилвитов¹, как и золотые кудри... Отца, которого я не помню, а Эш даже не видел.

Иногда я мечтала вернуться в прошлое и сделать так, чтобы мама никогда не ходила в лес, где встретила его. Не потому что не хотела рождаться — потому что верила, что наши с братом души нашли бы пристанище в телах маминых детей, даже если бы она родила их от другого мужчины. Того, кто не бросил бы её.

Дом встретил прохладой каменных стен и дощатого пола. Скинув кеды в прихожей, я сунула ноги в шерстяные тапочки-носки: мы носили их даже в летнюю жару, потому что пол никогда не прогревался. Я была этому только рада — когда мы жили в мегаполисе, лишь кондиционер помогал мне пережить лето, но кондиционер не заменит свежего ветра. И даже настезь распахнув все окна, ты не сделал бы воздух в маленькой квартирке менее густым и жарким.

Здесь, вдали от огней больших городов, всегда было чем дышать.

Мама лежала в спальне: тонкие руки вытянуты поверх одеяла, каштановые волосы разметались по подушке, сизые глаза лихорадочно поблёскивают из-под ресниц. Она слегла сегодня утром, но недавно ушедший лекарь заверил нас, что это обычное переутомление.

— Лайз, — слабо улыбнулась мама, когда я присела на краешек кровати. — Есть разговор.

Я покорно сложила руки на коленях, совестясь за то, что не успела их помыть.

— Слушай внимательно, — мама всё ещё улыбалась, отчего в уголках её рта вырисовались морщинки. — Во вторник утром вы с Эшем возьмёте машину и уедете отсюда. В Фарге.

¹ В валлийском фольклоре тилвит теги — златовласые феири, дружелюбные к людям (*Здесь и далее прим. авт.*).

Ещё прежде, чем я осознала всё безумие подобной затеи, перед моими глазами мысленно развернулись карты, которые мы изучали на географии.

— Фарге? Но... туда же через полстраны ехать!

— Вы поедете в Фарге, — непреклонно произнесла мама. Улыбка исчезла с её губ так же, как утром с этих губ исчезли краски жизни. — Остановитесь там в доме бабушки.

И бабушка, и дед — скромные представители славного аристократического рода Форбиден — умерли ещё до моего рождения. Я знала только, что у них был дом в Фарге, небольшом приморском городке на южном побережье. Мы с мамой жили там, пока отец не бросил её; потом уехали в мегаполис, и дом, в котором прошли первые годы моего детства, с тех пор стоял заброшенным.

— Ты уже не помнишь, но найти его несложно. Он в южных кварталах, почти у моря. Яблонная улица, дом тринадцать, — продолжила мама. — Ключ я дам.

— Но зачем? Мам, если ты не забыла, у меня завтра практика начинается, — в моём голосе прорезалось раздражение. — А вторник уже послезавтра, и даже если бы это не было послезавтра, я до середины августа не могу никуда...

— Лайз, вам грозит опасность. Нам всем грозит. Вы не можете оставаться здесь.

Я осеклась, ощутив, как губы сами собой растягиваются в глупой улыбке.

Моя дурацкая особенность — улыбаться, когда на деле мне совсем не смешно.

— Опасность? Что за опасность?

— Не спрашивай. Я не могу сказать. Но вы должны бежать отсюда. Если уедете, будете в безопасности. — Мама протянула руку, коснувшись моей ладони кончиками пальцев. — Просто пообещай сделать всё, что я скажу.

Лихорадочные мысли кружились в голове листьями на ветру.

...это же какая-то шутка. Просто глупая шутка, верно? Мы ведь самые обычные люди. Ну хорошо, мы с Эшем — самые обычные фейри-полукровки, но таковых пруд пруди. Мой брат — обычный школьник, я — обычная студентка-магичка, мама — обычный маг-артефактор. У нас с Эшем даже в школе среди одноклассников не было врагов: во всяком случае, таких врагов, что готовы были бы на настоящие подлости.

Не говоря уже о том, чтобы где-то обзавестись действительно серьёзным недругом.

— А ты? Если эти люди... или кто они... угрожают всем нам...

— Я не могу поехать с вами. Я останусь здесь.

— Но...

— Лайз, я правда хотела бы всё рассказать. Но не могу. — Мама настойчиво сжала мои пальцы своими. — Обещаешь, что поедешь? Без вопросов?

Тогда я решила, что мама умудрилась сделать какой-то опасный артефакт для какого-то опасного человека. Пусть это и совершенно не в её характере. Но то было единственное объяснение, которое я смогла найти. И поскольку я всегда была послушной дочерью, я выдохнула:

— Обещаю.

Её глаза посветлели от облегчения.

— У вас два дня на сборы. — Лицо мамы было измученным: резкие чёрточки морщин отчётливо пересекли лоб, переносицу, кожу в уголках глаз и губ. — Поедете послезавтра, как рассветёт.

— Mam, ты обращалась к страже? Если кто-то тебе угрожает...

— Нет. Мы не можем. Ты не можешь. И ты должна молчать, слышишь? Ни слова — ни Гвен, ни учителям, никому. Никто не должен знать, что происходит.

— Почему?

— Не спрашивай. Просто езжай. Ты обещала, помнишь?

Я долго сидела, глядя на неё, пытаюсь справиться с желанием закричать.

Встала — и, наклонившись, коротко поцеловала маму в щёку.

— Хорошо, — мой голос был таким же, как её кожа, сухая и холодная. — Эшу сама скажешь?

— Уже сказала. Перед тем, как позвать тебя.

Сказала? И после этого брат обратился ко мне таким обыденным тоном, с обычным отстранённым лицом?.. Хотя да, чему я удивляюсь.

Это же Эш.

— Прости, Лайз. Так нужно.

Я кивнула, прежде чем развернуться на пятках, не чувствуя пола под мягкими подошвами.

Я не помнила, как вернулась на веранду: только что перед глазами была дверь в мамину комнату, и вдруг — уже залитый солнцем сад. Села на деревянный табурет, рядом с круглым столом, за которым мы всегда ели с первых тёплых весенних деньков до первых осенних холодов.

Уставилась перед собой.

Вот ты живёшь обычной счастливой жизнью, ходишь в школу, поступаешь в колледж, помогаешь маме выращивать кабачки по примеру Пуаро... а потом раз — и погожим летним днём, ничем не отличающимся от прочих, тебе объявляют, что всё это позади. Что ты должна бросить всё, к чему привыкла и с чем сроднилась, и срываться не пойми куда, убегая от неведомой опасности.

Из-за чего? Из-за кого?..

— Что думаешь? — Лицо Эша заслонило собой зелёное пятно сада, когда брат опустился на табурет напротив.

Эш, мой маленький братик.. Я называла его маленьким, потому что была на пять лет старше, но уже тогда понимала — непостижимым образом в свои двенадцать Эш взрослее и меня, и мамы. Внутренний возраст и делал его глаза такими странными: взгляд старика при детском кукольном личике.

— Всё из-за её работы, да? — не дождавшись ответа, продолжил Эш негромко.

— Не знаю.

— И это странное переутомление тоже неспроста?

— Я не знаю, Эш. Не знаю. Но мы должны уехать.

— Хочешь сказать, мы просто послушаемся?

— Она взяла с меня обещание. С тебя, я так понимаю, тоже.

— Только вот мы уедем, а она останется здесь. Разбираться с тем, что нам угрожает, кем или чем бы это ни было. В одиночку.

Эш казался спокойным. Как всегда. Брат редко проявлял эмоции, особенно те, в которых он видел признак слабости: я могла по пальцам пересчитать случаи, когда замечала его плачущим.

— Мы всё равно ничем ей не поможем, Эш. Если мама на этом настаивает, значит, так нужно, — я старалась говорить твёрдо, но голос срывался в беспомощное бормотание. — Может, всё образуется. Может, на полпути к Фарге нас догонит звонок на графон, мой или твой, и мама велит нам возвращаться, и мы развернёмся и поедem домой.

— Может...

Эш опустил взгляд. Застыл, сцепив лежащие на коленях ладони в замок, с точёным лицом мраморной статуи.

Не обманываясь мнимым бесстрашием брата, я встала, чтобы обнять его.

— Всё будет хорошо, Эш, — сказала я, когда золотокудрый висок и бледная щека прижались к принту на моей футболке. — Обязательно.

И когда тот обнял меня в ответ, тоненькими руками обхватив мои ноги над коленками, почти сама верила в собственные слова.

Почти.

❖ ❖ Когда-то ❖ ❖

Буковый лес шелестит листьями под дождём. Деревья высокой аркой раскидывают ветви, чья зелень на несколько тонов светлее мха, поросшего на толстых узловатых стволах. Там, где землю не скрывает ковёр из широких листьев майника и маленьких сердечек кислицы, бусинами синее черника и дикие лютики желтеют россыпью крохотных солнц, обрамляя тропинку, по которой идёт девушка, оглашая лесные своды песней.

Низкий голос с бархатистыми нотками эхом разбивается в каплях дождя, ласкает слух и согревает сердце. С ним неважна сама песня, неважен мотив или слова — одного звучания достаточно, чтобы зачарованно слушать всё, что бы ни было спето. Но девушка не рассчитывает на слушателей: она поёт для себя, не в полный голос, рассеянно глядя под ноги, и думает совсем о другом.

Впрочем, слушатели у неё всё же есть.

Светловолосый юноша выскользывает из-за ствола бука прямо перед певуньей спустя пару мгновений после того, как затихает отзвук финальной ноты. Он движется легко, как тень, до сего момента сливавшаяся с гладкой серой корой, и когда девушка отшатывается в испуге, он улыбается:

— Это было прекрасно, Вэрани́.

В этой улыбке — трепет и спокойствие, озорство и мудрость, весёлость мальчишки, лишь недавно утрадившего интерес к игрушкам, и усталое лукавство старика, повидавшего весь мир. В его голосе — зов и музыка, чары и путы, ласковый шёпот огня, греющего тебя студёной зимней ночью, и прохлада ручья, что утолит жажду в летний зной. Лицом он кажется не старше той, что застыла напротив, — вчерашней школьницы, едва ли встретившей восемнадцатую весну, — но сказать, сколько ему лет на самом деле — всё равно что с лёту ответить на вопрос, сколько воды в океане.

Девушка запускает руку в карман и отступает на шаг, настороженная, как лань, заметившая хищника, готовая в любой момент сорваться с места и бежать:

— Стой, где стоишь!

— Не бойтесь, Вэрани. — Лютики льнут к его босым ногам — он непостижимым образом прошёл к тропинке по покрову из черники и цветов, не раздавив ни единой ягоды, не примяв ни одного стебля. — Я Коул из рода Дри, принадлежащего ко Благому двору. Я не причиню вам вреда.

Глаза девушки ширятся — они сизые, как тучи, виднеющиеся в просветах меж листвой, которую дождь обсыпал мокрым прозрачным бисером.

— Ты... сид? С Эмайн Аблаха?¹

Коул кивает; в его исполнении простой жест кажется изысканнее куртуазного поклона.

¹ Сид, или сидхе, — в мифологии ирландских кельтов «Люди Холма», общее название для обитателей потустороннего мира, вход в который, по многим преданиям, располагался под холмами. Эмайн Аблах — «Яблочный остров», кельтское название Авалона: мифического острова из кельтских легенд, куда, по преданию, был увезён легендарный король Артур для исцеления после последней своей битвы.